

быть неосторожными. Как указывалось ранее, ответственность за торговлю людьми наступает вне зависимости от последствий. Исходя из сказанного выше, вина в данном преступлении может быть выражено лишь в форме прямого умысла. Содержание прямого умысла следует раскрывать на основании общего правила применительно к преступлению с формальным составом, закрепленного в ч. 2 ст. 24 УК.

Интеллектуальный момент умысла при совершении торговли людьми заключается в осознании субъектом объективных признаков состава преступления. Во время выполнения объективной стороны виновное лицо сознает факт купли-продажи человека или иной сделки в отношении его, свою роль в качестве вербовщика, перевозчика, лица, укрывающего либо передающего для дальнейшей продажи человека другим лицам; незаконность дальнейшего использования лица как конечную цель преступления. Виновный понимает, что своими действиями он нарушает общепринятые нормы и правила поведения.

Волевой момент умысла, характеризующий торговлю людьми, заключается в желании субъекта преступления продать человека. Иная передача человека с оплатой также совершается с прямым умыслом. Специфика передачи заключается в том, что пострадавший передается навсегда или на определенное время другому лицу за определенное вознаграждение. Как и при продаже человека, преступник при его передаче должен осознавать общественно опасный характер совершаемых им действий и желать их совершить.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что субъективная сторона состоит в прямом умысле. Интеллектуальный момент состоит в осознании субъектом объективных признаков состава преступления. Преступление, предусмотренное ст. 181 УК, совершается с прямым умыслом. Поскольку по конструкции своей объективной стороны его состав принадлежит к так называемым преступлениям с формальным составом, содержание прямого умысла здесь ограничивается интеллектуальным и волевым отношением лица лишь к общественно опасному деянию.

Гасанова Я. Р.

ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Гасанова Яна Рамиловна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yana.gasanova99@mail.ru

Научный руководитель: кандидат юрид. наук, доцент Мороз Д. Г.

В силу ч. 3 ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) не всякое противоправное деяние в состоянии необходимой обороны исключает преступность деяния и, как следствие, наказуемость.

В судебной практике часто возникает проблема оценки эксцесса обороны и соответственно его квалификации. Из юридической природы необходимой

обороны вытекает, что соответствие защиты посягательству не всегда предполагает соразмерность причинения вреда. В то же время в соответствии с законодательством Беларуси причиненный вред не должен превышать пределов необходимости. На сегодняшний день эти пределы не имеют универсального определения, так как зависят от множества факторов. Но ряд стран все-таки смог дать хотя бы примерное определение и решение этого вопроса.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 16.08.1984 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» разъясняет, что при решении вопроса о превышении пределов необходимой обороны «суды должны учитывать не только соответствие или несоответствие средств защиты и нападения, но и характер опасности, угрожавшей оборонявшемуся, его силы и возможности по отражению посягательства, а также все иные обстоятельства, которые могли повлиять на соотношение сил (количество посягавших и оборонявшихся, их возраст, физическое развитие, наличие оружия, время, место и т. д.)». Также «Судам следует иметь в виду, что в состоянии сильного душевного волнения, вызванного посягательством, обороняющийся не всегда может точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты».

В США в настоящее время большинство уголовных законов определяют посягательства, от которых возможна оборона с применением «смертельной силы». Например, в штате Нью-Йорк в ч. 2 § 35.15 разрешается применять лицу «смертельную силу», если оно добросовестно полагало, что к нему могут применить физическое насилие (убийство, насильственное половое сношение), ограбление, похищение, поджог.

В ч. 3 ст. 20 УК Китая есть прямое указание о том, что при защите от физического насилия (возможного убийства, разбоя, изнасилования, захвата в заложники и др.) пределы необходимой обороны не установлены.

В ч. 4 ст. 36 УК Украины признается, что лицо не подлежит ответственности, если вследствие сильного душевного волнения, вызванного посягательством, не могло оценить соразмерность причиненного им вреда опасности посягательства. В ч. 5 этой же статьи указано, что не является эксцессом обороны и не имеет последствием уголовную ответственность применение оружия (иных средств) для защиты от нападения группы лиц, вооруженного лица и даже вторжения в жилище, независимо от тяжести нанесенного вреда.

Можно прийти к выводу, что сопоставление мер обороны и мер посягательства является неверным, так как это выглядит как правило: на удар кулаком нужно отвечать только кулаком, а на практике оно неприменимо. Несоответствие защиты характеру и опасности посягательства само по себе еще не должно свидетельствовать о превышении пределов необходимой обороны. Помимо этого, при оценке эксцесса обороны важно учесть субъективную

сторону, так как зачастую обороняющийся причиняет «несоразмерный» вред, находясь в состоянии сильного душевного волнения, вызванного нападением, которое ограничивает его сознание, вследствие чего обороняющийся не может объективно оценивать ситуацию.

Поскольку определение превышения пределов необходимой обороны включает еще и оценочные признаки, целесообразно сформулировать критерии, в зависимости от которых можно судить о действительности превышения пределов в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния». В нем также должно содержаться разъяснение критериев эксцесса обороны, закрепленных в ст. 34 УК.

На основании изучения зарубежного опыта считаем целесообразным действующую редакцию ст. 34 УК дополнить следующими частями:

ч. 4. Лицо не подлежит уголовной ответственности, если вследствие сильного душевного волнения, вызванного общественно опасным посягательством, объективно не могло оценивать соответствие защиты характеру и опасности посягательства;

ч. 5. Не является превышением пределов необходимой обороны, и как следствие, не влечет уголовную ответственность, применение оружия, иных средств и предметов для защиты от нападения вооруженного лица, от нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного проникновения в жилище, сексуального посягательства, сопряженного с насилием или с угрозой его применения, противоправного завладения лицом с применением насилия или с угрозой его применения, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему.

Дорожко И. В.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ОТНОШЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ

*Дорожко Илья Валерьевич, студент 2 курса Витебского государственного
университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь,
ilyaopstance@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Козак М. А.

В Республике Беларусь в целях общественной безопасности установлена уголовная ответственность за ряд деяний с огнестрельным оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами. Наиболее распространенными преступлениями в этой сфере являются незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. На это указывает ст. 295 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). В частности, в Витебской области в 2018–2019 гг. было зарегистрировано больше всего